

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ *TIME* И *SOULMATE* В РОМАНЕ Р. БАХА «МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ»

Черкасова И. П., Черкасова А. С.

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 73, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса.

Процедура и методы. Дискурс рассматривается как сложное структурно-семантическое образование, аксиологическая система, обладающая определённой функциональной перспективой. Основой дискурса является система концептов. Концепт представляет собой совокупность смыслов, репрезентирующих важную в пространстве конкретного дискурса аксиологическую категорию, выступает в качестве аксиологической доминанты. Методы анализа: контекстуальный, лингвистико-герменевтический, техника кристаллизации смысла.

Результаты. В статье проанализированы контексты в их последовательности и взаимодействии, что позволило проследить формирование художественных концептов *время (time)* и *родственная душа (soulmate)*, а также показать воздействие процессов кристаллизации на текстообразование и аксиологическую систему. Были выявлены смыслы, формирующие индивидуально-авторские концепты. Авторы приходят к выводу, что специфика процессов кристаллизации концептов определяет особенности функционирования художественного дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение аксиологических доминант позволяет определить структурно-семантическую организацию художественного дискурса. Исследование вносит вклад в развитие теории дискурса, аксиологической лингвистики, филологической герменевтики. Практическая ценность состоит в возможности применения материалов исследования в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста, теории и практике перевода.

Ключевые слова: аксиология, дискурс, концепт, кристаллизация, структура, семантика, смысл

CRYSTALLIZATION OF AXIOLOGICAL DOMINANTS *TIME* AND *SOULMATE* IN R. BACH'S NOVEL "THE BRIDGE ACROSS FOREVER"

I. Cherkasova, A. Cherkasova

K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management
(First Cossack University)
ulitsa Zemlyanoy val 73, Moscow 109004, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the crystallization of axiological dominants in fictional discourse.

Methodology. Discourse is considered as a complex structural and semantic formation, an axiological system that includes specific functions. The basis of the discourse is a system of concepts. The

concept is a set of meanings representing an axiological category important in the space of fictional discourse, acting as an axiological dominant. Methods of analysis include contextual and linguistic-hermeneutic analysis, as well as the technique of meaning crystallization.

Results. The article analyzes contexts in their sequence and interaction, which made it possible to trace the formation of the concepts *time* and *soulmate*, as well as to demonstrate the impact of crystallization processes on text formation and axiological system. The meanings forming the individual author's concepts were revealed. The authors come to the conclusion that the crystallization of concepts determines the features of fictional discourse.

Research implications. The study of axiological dominants allows to determine the structural and semantic organization of fictional discourse. This research contributes to the development of discourse theory, axiological linguistics, philological hermeneutics. Its practical value consists in the possibility of using research materials in educational courses on language theory, discourse theory, stylistics, text interpretation, theory and practice of translation.

Keywords: axiology, discourse, concept, crystallization, structure, semantics, meaning

Введение

На протяжении нескольких десятилетий понятие «дискурс» выступает в качестве одного из основополагающих. Возникнув на стыке ряда гуманитарных наук, «дискурс» рассматривается как сложный феномен в силу его многогранности и в этой связи привлекает внимание многочисленных исследователей, предлагающих определённые концепции, методы и подходы к его изучению (Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, В. З. Демьянков, М. Я. Дымарский, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, М. Л. Макаров, Г. Н. Манаенко, А. В. Олянич, В. А. Плунгян, В. Е. Чернявская, Т. А. ван Дейк и др.). Ю. С. Степанов называет дискурсом использование языка для выражения особой ментальности [12, с. 38–39]. В. З. Демьянков полагает, что в лингвистической литературе под дискурсом в основном понимается речь в её восприятии и представлении интерпретирующего её человека [2, с. 95].

Одним из наиболее сложных для понимания и интерпретации явлений в системе дискурсивных исследований является художественный дискурс (М. Я. Дымарский, В. А. Маслова, Н. З. Нормуродова, К. А. Редкозубова, Н. С. Олизько, В. В. Фещенко и др.). Выделяя отличительные признаки данного типа, М. Я. Дымарский называет следующие: антропоцентричность, стилизованность, эмотивность, художественный вы-

мысел, объединение устной и письменной речи, включение других видов дискурса [3, с. 118–119]. Говоря об основных характеристиках повествовательного текста, лежащего в основе дискурсивного пространства, В. Шмид обращает внимание на его фикциональность, подразумевая под этим вымышленность изображаемого автором мира, художественную конструкцию возможной реальности. Путём представления воображаемых ситуаций фикция как конструкция имеет характер мыслительной модели [14, с. 23–25]. С. Пределли и Т. фон Солодкофф акцентируют внимание на специфической семантике художественного дискурса [15; 16], посредством которой затрагиваются философские проблемы и формируется смысловая палитра.

В основе художественного дискурса лежит аксиологическая система автора, отражающая ценностные ориентиры социума на конкретном этапе развития общества. Средством репрезентации ценностных понятий в художественном тексте выступают концепты. В. И. Карасик определяет аксиологическую лингвистику как одно из самостоятельных направлений, предметом исследования которой являются ценности, на первый план выходит ценностная составляющая концептов [4, с. 215].

Художественный концепт существует в пространстве текста как сложное,

многогранное и многоуровневое структурно-семантическое образование; в его основе находятся фундаментальные понятия бытия, позволяющие авторам определить важнейшие общечеловеческие универсалии; одновременно художественный концепт представляет личностное знание, которое образовано на базе опыта. В. А. Маслова полагает, что богатство культурного и эмоционального опыта автора выступает в качестве определяющего фактора глубины и значимости индивидуально-авторских концептов [8, с. 34–35].

Говоря о сложностях, связанных с пониманием и интерпретацией концепта, представляется важным изучить способы образования смысла, процессы его кристаллизации, связанные с концептуальными сферами автора и адресата. В последние десятилетия термин «кристаллизация» стал использоваться в лингвистических исследованиях, ранее он преимущественно фигурировал применительно к естественным процессам, вызванным физическими или химическими изменениями. Под кристаллизацией мы понимаем последовательный анализ смыслового содержания контекстов, включающих и характеризующих ключевое слово в динамике смыслообразования, предполагающей наращивание и формирование метасмыслового континуума путём взаимодействия, частично-противоборства и взаимодополнения отдельных смысловых составляющих. В процессе анализа взаимовлияния смыслов ключевое слово в значительной мере преобразуется, в контексте мышления или искусства становится независимым от нормы, закреплённой словарными определениями. Подчиняясь цели формирования индивидуально-авторского или внутридискурсивного универсума, ключевое слово перерастает в концепт (аксиологическую доминанту), становится единицей концептосферы, формирующей аксиологическую систему дискурсивного, мыслительного, индиви-

дуально-авторского и др. пространства. Ключевое слово в тексте рассматривается в качестве точки кристаллизации, «фокуса» смыслового наращивания, оно постепенно обрастает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения.

Целью нашего исследования является изучение процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса. Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач: а) определение ключевых слов, выступающих в качестве аксиологических доминант художественного дискурса; б) анализ процессов кристаллизации, предполагающий выделение контекстов, репрезентирующих концепт и интерпретацию данных контекстов; в) выявление смыслов и метасмыслов, выступающих в качестве составляющих авторского концепта. Мы считаем, что кристаллизация представляет собой универсальную технику понимания концептов в пространстве художественного дискурса, процесс постепенного наращивания смыслового содержания ключевых слов, «перерастания» значений и содержаний в смыслы под воздействием контекста. Мы также полагаем, что кристаллизация в значительной степени способствует обнаружению базовых смыслов и метасмыслов, позволяет проследить процесс их взаимодействия и вытеснение одних смыслов другими под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов, открывая лингвосинергетическую основу художественного дискурса.

1. Структурная организация концептов *time* и *soulmate* в романе Р. Баха «Мост через вечность»

Творчество американского писателя Ричарда Дэвида Баха является ярким и неповторимым в пространстве эпохи постмодерна. История его взаимоотношений с женой Лесли Пэрриш описана в книге «Мост через вечность», которая представляет собой рассказ о довольно непростом периоде в жизни писателя,

связанном с его финансовым взлётом и последующим банкротством, поиском «родной души», преодолением житейских трудностей.

С целью постижения смыслового наполнения романа в рамках нашего исследования был составлен частотный словарь, позволяющий выявить ключевые слова текста, а, следовательно, и скрытые в нём смыслы, а также установить структурную организацию концептов на основе семантической (словарной, контекстуальной) близости. В качестве ключевых слов (по результатам анализа частотности) были определены *time* (время) и *soulmate* (родная душа).

Ядерным компонентом семантического поля **time** выступает лексическая единица *time*. Ближнюю периферию составляют слова: *day, today, minute, moment, hour, future, night, month, lifetime, past, year, morning, tonight, forever*, которые позволяют охарактеризовать время в различных его проявлениях. Дальняя периферия представляет собой область сопряжения с другими концептами произведения, формирующими концептосферу.

Не менее сложным является концепт **soulmate**, ядерным компонентом семантического поля которого выступает лексическая единица *soulmate*. Ближнюю периферию составляют: *love, Leslie / Leslie Parrish, Richard / Richard Bach, woman, marriage, eye, face, hand, body, smile, hair, silence, light, joy, angel, life, power, shoulder, game, forever, person, soul*. Дальняя периферия представляет собой область взаимодействия с другими концептами, определяющими на основе концептосферы аксиологические координаты текста. Учитывая единое пространство художественной ткани текста, ряд лексических единиц, формирующих ближнюю периферию одного концепта, появляются в контексте формирования смысловых составляющих другого концепта, образуя сложные лексические взаимосвязи и способствуя установлению межкон-

цептуальных связей, например: *time for both (I и you), our love-life; the bridge across forever – love*.

2. Кристаллизация концепта *time* (время) в романе Р. Баха "The Bridge Across Forever" («Мост через вечность»)

Концепт времени является одним из ключевых, универсальных в обществе, но, несмотря на большое количество проводимых лингвистических исследований, как справедливо отмечает В. А. Макарова, целостной теории, затрагивающей сущность и природу времени литературного текста не существует в силу различных позиций и подходов к его анализу [6, с. 14].

Процесс кристаллизации и смыслового наполнения концепта *time* начинается с первого предложения романа:

*She'll be here today*¹.

При всей временной определённости слово **today** включает не только протяжённость дня (сейчас, через час, два и т. д.), но и передаёт ощущение близости встречи с кем-то очень важным и значимым для героя. В соединении с местоимением *she* энергетическая составляющая слова усиливается, благодаря краткости и простоте предложения отрезок времени приобретает эмоциональную окраску, связанную с особой глубиной чувств. Повтор мысли ещё раз подчёркивает её значимость: *She could be there this moment, just arrived!*

Impossible, I thought. She's not here. Not here is not possible! Every day convinced today's-the-day, and every day wrong!

Зеркальность структуры, игра слов и повторы демонстрируют изменчивость времени, сначала выступающего как ожидание, а затем – как разочарование

¹ Здесь и далее иллюстративный материал цитируется по: Bach R. The Bridge Across Forever: A True Love Story [Электронный ресурс] // AllFreeNovel : [сайт]. URL: <https://www.allfreenovel.com/Book/Details/34011/The-Bridge-Across-Forever-A-True-Love-Story> (дата обращения: 07.01.2023).

в возможности получения желаемого, определяя особую систему координат внутреннего мира: время – пространство – чувство. День отражает длительность ожидания и является символом постепенной утраты веры героя в возможность воплощения мечты и даже отчаяния. Течение дня обретает схожесть с течением жизни, формируя параллелизм в восприятии, казалось бы, различных временных отрезков.

Время, воспринимаемое как период земного существования человека, имеет свои ограничения и пределы, но этим и объясняется его особая ценность. Безусловная значимость времени состоит в нахождении смысла жизни, который у каждого свой. Ключевым моментом в данном отношении является ощущение счастья в настоящем и погружённость в процесс, который вызывает и поддерживает подобное состояние, придавая жизни истинный смысл:

“Are you happy? Are you doing, this **moment**, exactly what you most want to do in the world?”

Время неосознано и быстротечно, но иногда получает значение смены жизненных ориентиров, играет важную роль в принятии тех или иных решений, способных в корне изменить самого человека, его настоящее и будущее:

And now it's **time** to move on. Where's **the door** just opened?

Дверь выступает как символ возможностей, появляющихся на определённом этапе временного континуума, открывающаяся дверь служит средством связи, объединения прошлого и будущего. Проявляется отчётливая связь понятий «время» и «бытие», о которой писал М. Хайдеггер: «Время и бытие сбываются в событии»¹.

“When you were with your horses, was the world a different color **from other times**?”

Важно обратить внимание на тот факт, что время с точки зрения автора / героя делимо и имеет цвет, который может быть различным в определённые периоды жизни людей в силу конкретных причин, таких как, например, нахождение с дорогим и любимым человеком или радость общения с животными, природой.

I didn't answer, and she fell into her own private **time**, back with Sandy. I returned to my letter.

Приведённый отрывок из текста также демонстрирует нам, что время не абстрактно. Оно бывает как совместным, так и личным и очень индивидуальным.

В следующем контексте обращает на себя внимание многозначность временного отрезка:

But wouldn't it be terrible, **the day** comes we learn how to ship something back in **time**, and we've got nothing to send?

Проявляется специфическая характеристика художественного дискурса: одновременно функционирующая палитра смыслов: с одной стороны, время – это учитель (день рассматривается как время новых открытий), а с другой – это вера в возможность преодоления пространственных и временных границ в будущем с целью что-то изменить, исправить и усовершенствовать в прошлом, что, безусловно, скажется как на настоящем, так и на будущем. Таким образом, развивается осмысление взаимосвязи, существующей между временами, их способности влиять друг на друга.

So much of my childhood is forgotten, yet that **moment** at the gate, word for word, stayed.

Время начинает отсчёт с ранних лет, с детства. Важный момент в жизни человека (особенно в юном возрасте, когда его душа очень восприимчива ко всему, происходящему вокруг) может навсегда запечатлеться в его памяти и выступать в качестве своеобразного ориентира относительно того, кого или что бы человек хотел видеть в своей жизни в дальней-

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 404.

шем, а чего, наоборот, ему следует избегать и остерегаться. В результате, как точно замечает О. В. Бронникова, время приобретает структуру «универсального знания, носителем которого является субъект как представитель определённой социокультурной среды» [1, с. 7].

Важно обратить внимание на тот факт, что сознание не ограничено пространством и временем. Время устанавливает пределы только нашему земному пребыванию, существованию материальных вещей и предметов. Но время может не только длиться, затягиваться, сокращаться, но и ограничивать кого-либо или что-либо.

Iridescent imagination, intuition from a **hundred lifetimes** remembered, crystal honesty and steel fearless determination? How do I visualize those?

Время – это память мироздания о героизме, сотнях жизней, кристальной честности и стальной бесстрашной решимости. Эпитеты crystal, steel, fearless акцентируют внимание на важности выбора человеком жизненного пути и жизненной позиции.

Glorious **moments** in art, in books and films and dance, they're delicious because we see ourselves in glory's mirror.

Созерцание по-настоящему прекрасных вещей может нести в себе особую ценность: мгновения в искусстве значимы тем, что каждый человек, соприкасающийся с ним, ощущает свою сопричастность к успеху. Эпитет glorious поднимает значимость диалога человека с искусством на космическую высоту. Созвучными в данной связи представляются мысли Г. Гадамера, полагающего, что, например, современная картина, предстающая существующей вечно, подчиняется внутренней необходимости, формирующейся как «кристалл: складки, оставленные бытием, грани, морщины и линии, в которых время обретает твёрдость».¹

There are excitements indeed, having one's book read by many people. One can forget, charging **mile-a-minute** down the face of a giant wave, that if one isn't terribly skillful, the next surprise is sometimes called a wipeout.

Время обусловлено эмоциями. Автором создаётся неповторимый метафорический образ, объединяющий время, движение и эмоции. Благодаря сравнению ощущения популярности с восторгом сёрфера от скорости катания по водной поверхности, а восхищения с волной, получившей эпитет giant (гигантская), передаётся уникальный синтез чувств. Одновременно формируется антитеза a giant wave (гигантская волна) – a wipeout (смытие волной, уничтожение), открывающая идею о том, что в силу скоротечности времени расслабление, замедление личностного совершенствования равносильно гибели, так как может привести к потере достигнутых высот и уровня мастерства.

The new Lake amphibian, I thought, so sleek it looked as if it were built to move **through futures and pasts as well as air and water**, there's one she'd like.

Время предметно, оно вбирает в себя окружающий мир. На конкретном примере мы можем увидеть концептуальное объединение будущего и прошлого, которые ассоциируются в тексте с воздухом, воспринимаемым как конечность, и водой, ощущаемой как бесконечность. Примечательным является и обратное восприятие представленных понятий – от будущего к прошлому.

Движение – это время, воспринимаемое посредством метафоры полноводной реки, стремительно текущей вперёд, преодолевающей любые препятствия на своём пути к морю, в которое она впадает. Подобным образом только вперёд идёт и время, способствуя приближению к заветной мечте и обретению родственной души, которая захватывает и приостанавливает стремительность бега:

¹ Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 367.

No matter how fast **time-the-river** thundered over its rocks and depths, my raft was caught in snowy rapids.

Характерной особенностью времени в картине мира Р. Баха является его способность замедляться и даже останавливаться в определённые моменты.

Время в восприятии человека также может быть как счастливым, так и несчастливым, трудным и весьма мрачным. Представленные характеристики являются непостоянными и могут периодически быть взаимозаменяемы. Обращает на себя внимание деление автором времени на ночное и дневное, но не в плане освещения, а применительно к его эмоциональному и духовному наполнению. Так, именно ночное время характеризуется как пространство духовного общения, которое кардинальным образом отличается от времени общения днём и даже имплицитно противопоставляется ему.

The best way to pay for a **lovely moment** is to enjoy it.

Наслаждение временем – противостояние суете. Мгновения неповторимы. Нет абсолютно одинаковых моментов в жизни человека. Меняются обстоятельства, пути, краски, однако люди часто этого не замечают в связи с чрезмерным погружением в себя, свои проблемы, заботы, тратя времени на суету и рутину – то, что в действительности не является по-настоящему важным и значимым. Как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, суетность вынуждает человека «безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, – свое время»¹.

Эксплицитно предстаёт параллель «писатель – каждый живущий на земле», имплицитно перерастающая в идею о необходимости творчества в жизни каждого человека и апеллирующая к христианским идеям. Человека можно сравнить с писателем, поскольку каждый также

является творцом, который создаёт свою собственную жизнь подобно тому, как мастера слова создают свои произведения:

I loved opening books to see how they'd begin. Writers create books the way we write **lifetimes**.

Данные строки перекликаются с идеями Р. М. Рильке, рассматривавшего человека как творца, и в этом его божественное предназначение:

Ангел,
 Это тебе покажу я. Во взоре твоём
 Пусть напоследок возникнет спасен-
 ная стройность.
 Башни, пилоны, Сфинкс. Упор, взыску-
 ющий неба.
 Сумрак былых городов. Сумрак соборов.
 Разве это не чудо? Ведь мы это сдела-
 ли, ангел.
 Поведай, великий, что мы на та-
 кое способны².

Время – это символ свободы в том случае, если оно сопряжено с раскрепощённостью. Образы свободы – лодки и аэропланы, которые «впитывают» безграничность небесного и водного пространств:

Why is it that so many airplane pilots also sail boats? Airplanes have freedom in space, sailboats have freedom **in time**. It's not the hardware, we want, it's the unshackledness that the hardware represents.

Контексты формируют концептуальные взаимосвязи:

I knew what was right when I was the kid, and again when I quit barnstorming: find my **lifemate forever soul an-gel-become-woman** to learn with and to love.

Структура слов демонстрирует связь концептов *time* и *soulmate*, в результате взаимодействия которых появляются лексические единицы *lifemate* и *forever-soul*. Данные трансформации приводят к

¹ Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1989. С. 37.

² Рильке Р. М. Элегия седьмая // Рильке Р. М. Duineser Elegien. Дуинские элегии 1912–1922. Мюнхен-М.: Im-Werden-Verlag, 2002. С. 34.

появлению особого авторского окказионализма *an-gel-become-woman* (*ангел-в-облике-женичины*), означающего постижение смысла жизни на земле: получение истинного знания, познание сути времени и подлинной любви. Время любви – это единое пространство, которое объединяет все параллельные миры. Оно неделимо, не имеет ограничений и объединяет времена, людей, события, ценности.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что *time* в романе Р. Баха представляет собой и цикл жизни, и её ритм, так как включает в себя скоростные характеристики и периоды, и ценность, поскольку человеку удаётся наполнить его глубоким содержанием и реализовать себя в нём (в случае главного героя это поиск и обретение своей родной души), и процесс мышления, разговора с внутренним миром, диалога, направленного на постижение сущностных вопросов жизни, совершенствование души и обретение счастья, и вместилище воспоминаний. Характерной особенностью времени в рамках текста произведения Р. Баха «Мост через вечность» выступает его свойство идти в обратную сторону. По мнению автора, прошлое и настоящее сосуществуют в разных измерениях, взаимосвязаны, взаимозависимы и могут меняться под воздействием друг друга. Не менее важной характеристикой времени, которое в контексте романа не является абсолютным, выступает его зависимость от сознания человека, определяющего время, характеризующего, наполняющего его смыслом и управляющего им.

3. Кристаллизация концепта *soulmate* (*родственная душа*) в романе Р. Баха «The Bridge Across Forever» («Мост через вечность»)

В. А. Маслова отмечает важность духовной ипостаси человека, позволяющей ему «вступить в контакт с инобытием, потому что духовный аспект человека даёт ему метафизическое измерение» [7,

с. 25–26]. Е. А. Соловьева относит **soul** к ключевым концептам культуры, ценностные составляющие которых обусловлены нормативными установками, определяющими отношение человека к различным аспектам его внутреннего мира, включающим приоритет духовных ценностей, нравственного и интеллектуального развития человека над материальными благами, высокую оценку умения контролировать эмоции, а также мыслить и действовать рационально [11, с. 6]. Несмотря на многочисленные исследования в данной области интерес к теме не уменьшается, наоборот, с течением времени она становится всё более и более актуальной.

Рассмотрим смысловое наполнение концепта *soulmate* (*родственная душа*) в процессе его кристаллизации в романе Р. Баха. В данной связи необходимо учитывать, что мы акцентируем внимание только на тех примерах, которые демонстрируют приращение смысла.

Буквально с первой страницы подчёркивается, что *soulmate* – это не только любовь всей жизни главного героя, но, прежде всего, родственная для него душа во всех смыслах этого слова.

How long have I been missing you, **dear soulmate**, I thought, dear wise mystical lovely lady?

Повтор лексической единицы *dear*, употреблённой вместе с *soulmate*, обращает внимание на трепетное отношение героя к родственной душе, характеризующейся посредством эпитетов *wise*, *mystical*, *lovely*, и осознание им огромной важности и значимости возможности обретения той, о которой он тосковал, не зная в точности, кто она, где и существует ли в реальном мире или это только плод его собственного воображения.

After searching the thousandth crowd, I'm beginning to doubt that **soulmates appear in hayfields**.

Гиперболизация поиска и образ скошенного поля одновременно выступают в нескольких смыслах:

1) реальное поле, противостоящее городу;

2) символ пустоты, безлюдности и бездуховности.

Without the **power of that love**, we're boats becalmed on seas of boredom, and those are deadly.

Метафора **power of that love** характеризует значимость чувства в человеческой жизни. Особый интерес представляет сравнение людей с лодками: любовь даёт человеку такую силу, как лодкам мотор. Без неё жизнь теряет смысл, становится скучной и однообразной.

"YO! RICHARD! If it'll make you feel any better, listen! **Your one woman in all the world? Your soulmate?**" it said. "You already know her!"

Знаки препинания демонстрируют высокий эмоциональный накал. Троекратное обращение, многочисленные смысловые повторы открывают противостояние концептов «чувство» и «разум». Необычный образ диалога с самим собой, появление внутреннего голоса является предвестником реализации мечты в образе единственной родной души. Так формируется смысл, состоящий в том, что при искреннем и самоотверженном поиске «включается» внутренний голос, появляются внутренние силы, которые помогают идти по выбранному пути и преодолевать временные и пространственные ограничения, чтобы найти, почувствовать и обнаружить родную душу.

Одновременно образ родственной души приобретает определённую характеристику: традиционное восхождение к теме *христианской любви*, женственности, *женщины*. Возникает интертекстуальная взаимосвязь с произведениями мировой литературы, прежде всего русской, в которой, как справедливо отмечает А. А. Купавская образ женщины, «реальной или созданной авторской творческой фантазией, представляет собой обязательный компонент произведений словесности, от фольклора до современной литературы» [5, с. 75].

Не менее интересным выступает деление автором душ на несколько условных категорий, среди которых особое место занимают мудрейшие и просвещённые, к мнению которых следует прислушиваться:

According to **the wisest souls**, we know everyone everywhere without having met in person-not much comfort when you're trying to narrow your search.

В рамках текста существуют образы, неоднократно приводимые и выступающие в качестве антитезы родственной душе в форме «не она», «не его Единственная», предстающие как детализация образа толпы, множества:

Soulmates we would never be.

В реальной жизни родная душа по воле случая может появиться как запоминающееся или уже знакомое в силу каких-то причин лицо, которое производит приятное впечатление, однако не более того.

Leslie was the one person I **trusted** in Hollywood, and I flew to Los Angeles to talk with her once more.

Родственная душа может быть только единственной в своём роде, поэтому она требует персонификации и впервые появляется в тексте как Лесли, родственная душа главного героя Ричарда, как символ доверия, будучи выделенной героем на фоне остальных людей из её круга в силу внутренних качеств этой удивительной женщины. Она единственная в Голливуде, мнение которой очень важно и ценно для центрального персонажа; формируется взаимодействие на уровне не только разума, но и на уровне чувств.

And there she was, **eyes of sea and sunshine**, sparkling hello. No touch, not even a handshake, and neither of us thought it strange.

В представленном контексте особое внимание уделяется глазам, метафорически сопоставимым с морским пространством. Апеллируя к образу лодки, символизирующему свободу, глаза исторически ассоциируются с душой. Они

живые и могут любить, благодарить, страдать, обнимать, понимать, отвечать на все интересующие вопросы и часто скажут намного больше, чем слова, будучи способными раскрыть неизведанные тайны глубины души. Следует отметить универсальность данного образа, достаточно регулярно появляющегося в художественных текстах авторов различных лингвокультур [9, с. 122]. Глаза героини никогда не молчат. Сравнение их сияния со светом солнца на морской волне демонстрирует её особую красоту и уникальность. Данный вид метафоризации представляется универсальным.

When the sun went down, I noticed, her eyes changed color, to sea-and-moonlight.

Использование метафоры при изображении нового цвета глаз героини (оттенка лунного света на морской волне) способствует созданию яркого и запоминающегося образа; с другой стороны, возникает палитра многозначности, объединяющей совершенство и тесную взаимосвязь природы, женщины и любви, воплощающих единый символ вечного рождения и возрождения, совершенство, восходящее к понятиям Вечной женственности В. Соловьева и *das Ewig-Weibliche* И. В. Гете.

Leslie was unique in my life: a beautiful sister whom I trusted and admired, with whom I spent night after night over a chess-board, but never a moment in bed.

Лексические единицы *unique*, *beautiful*, *sister*, *trusted*, *admired*, по сути, формируют градацию эмоционального отношения; положительно окрашенная лексика предвосхищает действие, способствует репрезентации перехода состояний от дружбы к любви. В представленном контексте мы можем наблюдать сближение концептов *soulmate* и *mind* (разум). В данном случае Лесли выступает для Ричарда как человек, с которым было полное взаимопонимание и доверие, основывающееся на духовной близости. Это объект восхищения главного героя, с Лесли он любил проводить время за шахматной

игрой, интеллектуальными и душевными беседами.

I AM!

YOU ARE! AND LOVE: IS ALL: THAT MATTERS!

Три восклицательных предложения, следующих одно за другим, и заглавные буквы реализуют основную идею автора, относящуюся к любви. Структура говорит об однозначности утверждений, восходящих к сильному чувству как идее всего единственно значимого в этом мире.

Love! So intense! If it were green, it would be a green so transcendently green that even the Principle of Green couldn't have imagined ... I COULDN'T STAND THE JOY of that Love ...

Авторский мир характеризуется синестезийным единством: любовь имеет цвет, ей контекстуально приписывается зелёный, яркость которого подчёркивается четырьмя повторами, заключительный из которых представлен с заглавной буквы, демонстрирующей одновременно повтор, градацию и многозначность. В первую очередь, этот цвет ассоциируется с самой жизнью и возрождением, временем весны и преображением мира. В данном случае преображение затрагивает внутренний мир главного героя, его душу, охваченную неземным счастьем в связи с обнаружением той женщины, которую он долго искал, демонстрируя метафорический универсальный параллелизм образов природы и духовного мира. Использование многочисленных сравнений позволяет ярко представить силу любви. В данном случае на уровне основных составляющих обнаруживается тесная взаимосвязь романа Р. Баха с современным популярными романами С. Ахерн, в основе которых находятся концепты «любовь», «дружба», «семья» [10], что позволяет говорить не только об универсальности, вневременной значимости, но и росте актуальности данных категорий.

“To a guardian angel, loving is more important than anything else. To them, our love-life is more important than any other

kind of **life** we have! What else should **angels** care about?”

Важнейшей в контекстуальном осмыслении становится оценка любви высшими силами. Образ ангела-хранителя позволяет соотнести чувства человека с христианскими высшими ценностями, любовь воспринимается как божественный дар человечеству, сила её является неизмеримой. Образ ангела формирует интертекстуальные связи, восходящие к классическим произведениям мировой литературы [13]. Именно эта духовная сила способна совершать чудеса и преобразовать всё вокруг. Тем не менее, любовь довольно хрупка и требует бережного к ней отношения. Посредством окказионализма **our love-life** любовь превращается в смысл жизни и саму жизнь.

“You know. When you find **one woman in the world** who can give you more than many **women** can, I'll disappear.”

Одна по-настоящему родственная душа может заменить великое множество других женщин (антитезу образуют единственное и множественное число: woman – women). Родственные души не обязательно должны быть похожи во всём. Они могут видеть мир сквозь призму своих увлечений, которые могут быть различными по своей природе (в частности, Ричард воспринимает жизнь как шахматную игру, а Лесли – как сонату). Эта разница в миропонимании может приводить к взаимному непониманию, а как следствие отдалению друг от друга и в итоге – гибели любви. Выход из сложившегося положения – это попытаться посмотреть на окружающую действительность глазами другого человека, стремиться постичь внутренний мир того, кто по-настоящему дорог. Таким образом, любовь – средство рождения эмпатии, чрезвычайно необходимой в современном мире.

I promised that I'd learn from her how to love, to drop my frozen **Perfect Woman** and let **Leslie** as close to me as she would let me to her.

Встреча со своей родственной душой и последующее сближение с ней требует внутренних изменений с целью гармоничного существования с его возлюбленной. Желание взаимопонимания способствует рождению эмпатии и результативному достижению взаимопонимания.

I met a **Leslie** I had never seen: total focused business-at-hand; **no smiles, no personal asides, one-track one-rail single-minded concentration.**

Форма *a Leslie*, повтор отрицания *no* и ряд необычных эпитетов способствуют репрезентации удивления, открывающего многогранность диалога родственных душ. Процесс взаимоотношений с родственной душой предстаёт как постоянное обогащение понимания её новых граней и вместе с тем своих. Таким образом предстаёт неизменное совершенство земного мира, состоящее в дихотомии, обеспечивающей постоянное развитие и совершенствование.

I wanted to tell her, and I wanted to touch her, too. **Time for both, I thought, time for both.**

Повтор **time for both** демонстрирует временной переход от I и you к we (both). В рамках представленного фрагмента текста мы можем наблюдать пересечение концептов *soulmate* и *time*. Время, которое главные герои проводят вместе, для них бесценно. Это подарок судьбы, источник безграничного счастья и радости, само вдохновение.

Principles of **love** and **guidance** and **support** and **healing**, those are working for us, even now.

Поставленные в один ряд принципы любви, поддержки, взаимопомощи и исцеления играют важную роль в жизни обретших друг друга родных душ. При этом следует отметить, что любовь в данном списке стоит на первом месте, а заключительным является исцеление, демонстрирующее духовное преображение.

We're **the bridge across forever**, ... learning **love** and **love** and **LOVE!**

Образ *the bridge across forever*, являющийся повтором заголовка, используется в контексте с повтором *love*, который становится основой любви. Родные души в их нерушимом союзе представляют собой мост через вечность, который возвышается над морем обыденности и тщетной суеты. Вместе они ищут приключения ради земной радости, постигают вечные тайны мироздания, выбирают невообразимые испытания, проверяя себя снова и снова, познавая любовь, любовь и ещё раз ЛЮБОВЬ. Повтор лексической единицы **LOVE** и её выделение заглавными буквами в конце предложения говорит о её первостепенности и непреходящем значении в жизни людей. Это причина всего происходящего на Земле, смысл жизни и сама жизнь во всех её проявлениях.

“Wish them love!”

Love (любовь) выступает как заключительное слово в романе, в результате чего на него падает максимальный акцент. В результате формируется циклическая структура текста: **the bridge across forever – love**.

Таким образом, родственную душу в рамках авторской концепции можно охарактеризовать как сильного человека, равного своему партнёру и разделяющего его любовь, под которой понимается духовная близость, тесная связь, совместимость и доверие. Данный концепт выступает как некая совокупность смыслов, одновременно относящихся к человеку, миру природы и духовному универсуму в целом. Ощущение полной безопасности способствует возникновению возможности узнать не только окружающий мир,

но и свои скрытые способности и возможности.

Заключение

Таким образом, в процессе кристаллизации базовые концепты *time* и *soul-mate* предстают как сложные структурно-семантические образования, многогранные концепты, позволяющие определить ценностные ориентиры как необходимые ориентиры и точки рефлексии современного общества, универсальные ценности, существующие вне времени. Художественное слово многомерно и многогранно. Сгущение смысла, формируемое синергией образов, ритма, экспрессии, авторских знаков, дихотомии «значение-смысл», ассоциативного ряда, возникающего в пространстве диалога «текст – рефлексивная реальность реципиента», формирует эмоционально и экспрессивно насыщенное пространство основополагающих индивидуально-авторских концептов. Полиинтерпретируемость и обширный диапазон связей, рождённых художественным пространством, способствуют вовлечению в диалог с текстом бесконечного интертекстуального пространства и превращают авторский концепт в метаконцепт, а индивидуально-авторское пространство в метапространство.

Выявление и анализ кристаллизации аксиологических доминант позволяет определить структурно-семантическую организацию художественного дискурса, открывает перспективы моделирования индивидуально-авторских и иных дискурсивных пространств.

Дата поступления в редакцию 07.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронникова О. В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/ TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 25 с.
2. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007. № S1 (IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады). С. 86–95.
3. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв.: монография. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

4. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Парадигма, 2012. 447 с.
5. Купавская А. А. Героиня в пространстве художественного текста: лингвопрагматический аспект (на материале произведений русской классики XIX в.): дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. 201 с.
6. Макарова В. А. Сверхсюжетное время в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-13-20.
7. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.
8. Маслова В. А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2004. 255 с.
9. Поверенная А. А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2022. 191 с.
10. Редкозубова К. А. Кристаллизация концептов «любовь», «дружба», «семья» в современном художественном дискурсе (на материале романов С. Ахерн): дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2021. 235 с.
11. Соловьева Е. А. Концепты MIND, HEART, SOUL в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
13. Черкасова И. П. Аксиологическая доминанта «ангел» в поэтическом мире А. А. Тарковского // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 214–229. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-214.
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names' // The British Journal of Aesthetics. 2022. Vol. 62. Iss. 2. P. 231–240. DOI: 10.1093/aesthj/ayab025.
16. von Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics // The British Journal of Aesthetics. 2022. Vol. 62. Iss. 2. P. 223–230. DOI: 10.1093/aesthj/ayab024.

REFERENCES

1. Bronnikova O. V. *Modusnyy metakontsept VREMYA / TIME v russkom i angliyskom yazykakh: na materiale dannykh natsional'nykh korpusov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Modal metaconcept VREMYA / TIME in Russian and English languages: based on data from national corpora: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2017. 25 p.
2. Demyankov V. Z. [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2007, no. S1 (IV International Scientific Conference "Language, Culture, Society". Moscow, September 27–30, 2007: Plenary reports), pp. 86–95.
3. Dymarskiy M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst. Na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.* [Problems of text formation and artistic text. Based on the material of Russian prose of the 19th–20th centuries]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 328 p.
4. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kultury* [Language matrix of culture]. Moscow, Paradigma Publ., 2012. 447 p.
5. Kupavskaya A. A. *Geroinya v prostranstve khudozhestvennogo teksta: lingvopragmaticheskiy aspekt (na materiale proizvedeniy russkoy klassiki XIX v.): diss. ... kand. filol. nauk* [The heroine in the space of a literary text: linguopragmatic aspect (based on the works of Russian classics of the 19th century): PhD thesis in Philological Sciences]. Maykop, 2022. 201 p.
6. Makarova V. A. [Super-subject time in literary text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-13-20.
7. Maslova V. A. [Linguo-cultural introduction to the theory of human]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.

8. Maslova V. A. *Poet i kultura: Kontseptosfera Mariny Tsvetayevoy* [Poet and culture: Conceptosphere of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004. 255 p.
9. Poverennaya A. A. *Lingvokul'turnyye osobennosti skazochnogo diskursa: aksiologicheskiy aspekt (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural features of fairy tale discourse: axiological aspect (based on the material of the German and Russian languages): PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2022. 191 p.
10. Redkozubova K. A. *Kristallizatsiya kontseptov «lyubov'», «druzhba», «sem'ya» v sovremennom khudozhestvennom diskurse (na materiale romanov S. Akhern): diss. ... kand. filol. nauk* [Crystallization of the concepts "love", "friendship", "family" in modern artistic discourse (based on the novels of S. Ahern): PhD thesis in Philological Sciences]. Armavir, 2021. 235 p.
11. Solovyeva Ye. A. *Kontsepty MIND, HEART, SOUL v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Concepts MIND, HEART, SOUL in modern English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2005. 24 p.
12. Stepanov Yu. S. [Alternative world. Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, pp. 35–73.
13. Cherkasova I. P. [Axiological dominant "angel" in the poetic world of A. A. Tarkovsky]. In: *Novyy filologicheskiy vestnik* [New Philological Bulletin], 2022, no. 4 (63), pp. 214–229. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-214.
14. Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names'. In: *The British Journal of Aesthetics*, 2022, vol. 62, iss. 2, pp. 231–240. DOI: 10.1093/aesthj/ayab025.
16. von Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics. In: *The British Journal of Aesthetics*, 2022, vol. 62, iss. 2, pp. 223–230. DOI: 10.1093/aesthj/ayab024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черкасова Инна Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: inna_cherkasova@mail.ru

Черкасова Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna P. Cherkasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (First Cossack University);
e-mail: inna_cherkasova@mail.ru;

Anastasiia S. Cherkasova – Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (First Cossack University);
e-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черкасова И. П., Черкасова А. С. Кристаллизация аксиологических доминант *time* и *soulmate* в романе Р. Баха «Мост через вечность» // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 102–115.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115

FOR CITATION

Cherkasova I. P., Cherkasova A. S. Crystallization of axiological dominants *time* and *soulmate* in R. Bach's novel "The bridge across forever". In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 102–115.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115